

Научная статья
УДК 008:1-027.21, 008(091)
DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-238-243
EDN: HKDCLR

Образ кота как Другого в русской поэзии: от классики XIX в. к «оттепели» XX в.

Лилия Борисовна Брусиловская

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения Института истории и филологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6
ikond@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7066-584X>

Аннотация. Статья посвящена культурологическому осмыслению кота / кошки как персонажа и образа русской поэзии XIX–XX веков. Указано, что наиболее известные и закрепившиеся в русском сознании коты входят в читательский и, соответственно, культурный опыт наших соотечественников в детстве при знакомстве с классической русской литературой (А. С. Пушкин, кот ученый из вступления к поэме Руслан и Людмила» и русской литературной сказкой (К. Чуковский). Определено, что еще в XIX в. эти животные являлись неизменной частью русского литературного пейзажа, однако не играли там самостоятельной роли, будучи, своего рода, полуодушевленными персонажами для своих хозяев (А. Фет). Выявлено, что некоторые творцы рубежа XIX–XX вв. наделяли их сверхъестественными способностями, признавая загадочность этих существ и непознаваемость их человеком (И. Бунин). В данный историко-культурный период русские поэты в целом не отделяли кота / кошку от животного мира, который противопоставлялся человеческому (Саша Черный). Установлено, что в эпоху «оттепели» отношение к кошкам принципиально изменилось: поэты-шестидесятники видели в их поведении ту степень внутренней свободы и независимости, которая им самим была недоступна на социокультурном уровне, но к которой так хотелось стремиться (Б. Ахмадулина, А. Вознесенский). Зафиксировано, что отношение к животным, в частности, к котам / кошкам, стало для многих критерием человеческих качеств личности и это был знак безусловного смягчения нравов в советском обществе (И. Бродский). В статье предложена и изучена динамика образа / персонажа кота от второстепенного персонажа, входящего в окружение лирического героя, через позиционирование кота как части животного мира, к гуманизации его образа в поэзии XX века и наделянии качествами мыслящих существ, собеседников и единомышленников, с одной стороны, а также интерпретации кота как существа, причастного тайнам мироздания.

Ключевые слова: русская литература; кот / кошка; поэт; классическая поэзия; стихи о животных; эпоха «оттепели»

Для цитирования: Брусиловская Л. Б. Образ кота как Другого в русской поэзии: от классики XIX в. к «оттепели» XX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 238–243. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-238-243>. <https://elibrary.ru/HKDCLR>

Original article

The image of the cat as the Other in Russian poetry: from the 19th century classics to the « thaw » of the 20th century

Liliya B. Brusilovskaya

Candidate of cultural sciences, senior researcher at the Mandelstam research laboratory, Institute of history and philology, Russian state university for the humanities. 125993, Moscow, Miusskaya Ploshchad, 6
ikond@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7066-584X>

Abstract. The article is devoted to the culturological comprehension of the cat as a character and image of the XIX–XX century Russian poetry. It is noted that the most famous and firmly established in the Russian mentality cats enter the reading and, accordingly, the cultural experience of Russians in their childhood when they are introduced to classical Russian literature (A. S. Pushkin, the learned cat from the introduction to the poem *Ruslan and Lyudmila*) and the Russian literary fairy tale (K. Chukovsky). The author specifies that even in the 19th century these animals were an inseparable part of the Russian literary landscape, but they did not play an important role there, being semi-animate char-

acters of sorts for their masters (A. Fet). It is found out that some writers of the turn of XIX-XX centuries assigned supernatural abilities to them, recognizing the mysteriousness of these creatures and our inability to understand them (I. Bunin). In this historical period, Russian poets in general did not separate the cat from the animal world, which was opposed to the human world (Sasha Chyorny). The attitude towards cats changed fundamentally during the «thaw»: the poets of the Sixties saw in their behavior a degree of inner freedom and independence which they themselves were unable to achieve on the social and cultural level, but which they desired so much. (B. Akhmadulina, A. Voznesensky). The attitude toward animals, cats in particular, became for many a criterion of the human personal qualities and it was a sign of certain softening of mores in Soviet society (I. Brodsky). The article suggests and studies the development of the cat's image / character from a minor character being a part of the lyrical hero's environment, through positioning the cat as part of the animal world, to humanizing its image in XX century poetry and assigning to it the qualities of human beings, interlocutors and associates, on the one hand, and interpreting the cat as a creature involved in the mysteries of the Universe, on the other hand.

Key words: Russian literature; cat; poet; classical poetry; poems about animals; « thaw» era

For citation: Brusilovskaya L. B. The image of the cat as the Other in russian poetry: from the 19th century classics to the « thaw» of the 20th century. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(2):238–243. (In Russ.). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-238-243>. <https://elibrary.ru/HKDCLR>

Введение

Кот – как образ и персонаж всегда являлся неизменной составляющей русского литературного пространства. С детства все представляют себе пушкинского «кота ученого», который «все ходит по цепи кругом» или кота, едущего задом наперед вместе с медведями на велосипеде из сказки К. Чуковского «Тараканище». Ряд поэтов XIX в. стали авторами нескольких произведений, где коты – не второстепенные персонажи, выступающие как декоративная часть литературного пейзажа, а полноценные герои поэтического текста.

Результаты исследования

А. Фет создает два небольших стихотворения, в центре которых оказывается кот, равнодушно, казалось бы, наблюдающий за людьми, находящимися рядом с ним:

1) Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.
«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».
Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот. [Фет, 1959, с. 156]

2) Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:

Без тебя темно и дико
В нашей стороне;
Без тебя всё та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра... [Фет, 1959, с. 249]

В первом случае кот выступает как некий одушевленный атрибут комнаты: он не придает значения действиям своих хозяев, лишь поводит глазами, не прекращая своей кошачьей песни и сам автор воспринимает его как часть той темной дикой природы, которая неподвластна человеческому разуму и живет по своим законам. Буря свищет у ворот, кот поет в комнате – все это составляет некий цельный мир, существующий рядом с человеком.

Во втором стихотворении поэт не просто наблюдает за своим питомцем, но вступает с ним в диалог, сознательно помещая себя в единое смысловое пространство с котом и противопоставляя себя и его той неизбежной русской тоске, которая их окружает. Здесь кот – эта та живая и разумная душа, что помогает человеку преодолеть его хандру и поэтому для автора его мурлыка уже не часть дикой природы, бушующей за окном, а собеседник и единомышленник.

Еще один поэт, вдохновившийся образом кошки – И. Бунин и его стихотворение «Кошка»:
Кошка в крапиве за домом жила.
Дом обветшалый молчал, как могила.
Кошка в него по ночам приходила
И замирала напротив стола.

Стол обращен к образам – позабыли,
Стол как стоял, так остался. В углу

Каплями воск затвердел на полу –
Это горевшие свечи оплыли.

Помнишь? Лежит старичок-холостяк:
Кротко закрыты ресницы – и кротко
В черненький галстук воткнулась борода.
Свечи пылают, дрожит нависающий мрак...

Темен теперь этот дом по ночам.
Кошка приходит и светит глазами.
Угол мерцает во тьме образами.
Ветер шумит по печам. [Бунин, 1956, с. 98]

Тут кошка – словно представитель каких-то
потусторонних сил, избегающая людей, выбрав-
шая в качестве пристанища крапиву, чтобы еще
больше затруднить возможное общение с ней.
Был ли умерший старичок-холостяк ее хозяином
и той единственной родственной душой, вер-
ность которой кошка сохраняет и теперь, пови-
нуясь только ей одной известному кодексу ко-
шачьей преданности? Или это сам хозяин дома, в
образе кошки являющийся по ночам в свой дом,
где было ему так хорошо и спокойно при жизни?
В этой поэтической зарисовке Бунина кошка –
символ непостижимости мироздания, самое зага-
дочное существо на земле, владеющее всеми
тайнами Вселенной, неподвластными человеку,
необыкновенно грациозное во всех своих движе-
ниях и независимое во всех своих поступках.

Однако не все поэты изображали кошек так
возвышенно: примером, где в описании взаимо-
отношений человека и кота используется ирония
и самоирония, можно назвать стихотворение
С. Черного «Чуткая душа»:

Сизо-дымчатый кот,
Равнодушно-ленивый скот,
Толстая муфта с глазами русалки,
Чинно и валко
Обошел всех, знакомых ему до ногтей,
Обычных гостей...
И вдруг, свернувши с дороги,
Клубком по стене —
Спираль волнистых движений, —
Повернулся ко мне
И прыгнул ко мне на колени.
Я подумал в припадке амбиции:
конечно, по интуиции
Животное это
во мне узнало поэта...
Кот понял, что я одинок,
Как кит в океане,...
Но кот, повернувши свой стан,

вдруг мордой толкнулся в карман:
Там лежало полтавское сало в пакете.
Нет больше иллюзий на свете! [Черный, 1996,
с. 303–304]

Здесь автор, хоть и вполне добродушно, но и
вполне отчетливо рисует портрет кота как доста-
точно примитивного существа, типичного жи-
вотного, для которого имеет значение только
вкусная еда, о чем свидетельствует его сравнение
с «толстой муфтой с глазами русалки». За иро-
ничным предположением автора, что кот узнал в
нем поэта, почувствовал в нем одиночество,
скрывается драма художника, так до конца и не
понятого современниками. Но кот не оправдал
надежд поэта, оказавшись банальным любителем
полтавского сала, таким котом-обывателем, ко-
торому чужды понятия «творчество» и «поэзия».

В эпоху «оттепели» «взаимоотношения» ху-
дожников с котами, а также с другими предста-
вителями мира животных получили дополни-
тельное развитие.

Б. Ахмадулина публикует стихотворение
«Два гепарда» – о живущих в зоосаде двух
больших кошках, чья история любви может слу-
жить примером всем людям.

Этот ад, этот сад, этот зоо —
там, где лебеди и зоосад,
на прицеле всеобщего взора
два гепарда, обнявшись, лежат.

Шерстью в шерсть, плотью в плоть проникая,
сердцем втиснувшись в сердце – века
два гепарда лежат. О, какая,
два гепарда, какая тоска! [Ахмадулина, 1998,
с. 137]

Зоосад здесь выступает в качестве такого
вполне комфортабельного ада с лебедями, в ко-
тором звери, вырванные из привычной среды
обитания, противопоставляют неволе свою лю-
бовь.

Смотрит глаз в золотой, безвоздушный,
равный глаз безысходной любви..
На потеху толпе простодушной
обнялись и лежат, как легли. [Ахмадулина,
1998, с. 137]

Их крепкое объятие, их олимпийское равно-
душие к окружающему миру является образцом
того сдержанного достоинства, которое нечасто

встретишь у людей, а также символом холодного презрения к «простодушной толпе», пришедшей поглазеть на заморскую диковинку. Любовь двух гепардов выступает и в качестве своеобразного щита против жестокого и несправедливого мира, и молчаливым вызовом тем обстоятельствам, которые нельзя изменить, но которые можно постараться игнорировать.

Прихожу ли я к ним, ухожу ли –
не слабее с той давней поры
их объятье густое, как джунгли,
и сплошное, как камень горы.

Обнялись – остальное неправда,
ни утрат, ни оград, ни преград.
Только так, только так, два гепарда,
я-то знаю, гепард и гепард [Ахмадулина,
1998, с. 137]

Автор не скрывает своего восхищения большими кошками и признает, что такая модель поведения – «только так!» – должна быть взята на вооружение людьми, желающими чувствовать себя внутренне свободными в условиях внешней несвободы. Кошка лучше человека – так недвусмысленно можно прочесть посыл ахмадулинского стихотворения. Мы тоже существуем в неволе, как и эти красивые животные, только не можем позволить себе их божественной независимости.

О том, что кошки во всех отношениях достойнее человека, утверждал И. Бродский, всю свою жизнь декларировавший любовь к ним и не раз заявлявший, что в своей следующей жизни хотел бы быть котом. Хотя и в этой жизни поэт часто сравнивал себя с котом, полагая, что кошачье отношение к жизни самое правильное: «Я, как кот. Когда мне что-то нравится, я к этому принохиваюсь и облизываюсь... Вот, смотрите, кот. Коту совершенно наплевать, существует ли общество «Память». Или отдел пропаганды в ЦК КПСС. Так же, впрочем, ему безразличен президент США, его наличие или отсутствие. Чем я хуже кота?» – сказал однажды Иосиф Бродский.

Особенно трепетным у поэта было отношение к рыжим котам, он часто рисовал себя в этом образе, именно рыжего кота можно назвать alter-его поэта. Вот одно из «кошачьих» стихотворений Бродского на эту тему:

Он был тощим, облезлым, рыжим,
Грязь помоек его покрывала.

Он скитался по ржавым крышам,
А ночами сидел в подвалах.
Он был старым и очень слабым,
А морозы порой жестоки.
У него замерзали лапы,
Точно так же, как стынут ноги.
Но его никогда не грели,
Не ласкали и не кормили.
Потому что его не жалели.
Потому что его не любили.
Потому что выпали зубы.
Потому что в ушах нарывы.
Почему некрасивых не любят?
Кто-то должен любить некрасивых [Бродский,
2017]

Поэту было настолько комфортно идентифицировать себя с котом, что это проявлялось в общении с довольно широким кругом знакомых. Б. Янгфельдт вспоминал: «Бродский был кошатником. Под этим я имею в виду не только то, что он всю жизнь окружал себя котами и кошками, но и то, что его «код общения» был под сильным влиянием кошачьих способов коммуникации. Мяуканье как способ коммуникации не ограничивалось семейным кругом, а распространялось и на друзей и вообще на людей, к которым Иосиф питал симпатию. Он подходил сзади, царапал тебя когтем по плечу и говорил: «Мяу». Ожидалось, что ты ответишь тем же мурлыканьем» [Янгфельдт, 2010].

Очевидно, что для Бродского отношение человека к кошкам являлось показателем качества человеческой личности. Известно о его весьма прохладном отношении к А. Вознесенскому, однако при личной встрече в Нью-Йорке, когда речь зашла о кошках и выяснилось, что оба поэта – страстные почитатели этих животных, глаз Бродского, по воспоминаниям Вознесенского, «озарился нездешнею искрой», и, надо думать, он смягчил свое отношение к коллеге.

А. Вознесенского можно по праву назвать главным кошатником литературы «оттепели». Еще в 1961 г., в одном из самых известных произведений поэта, стихотворении «Антимиры» есть такие строки:

«Зачем среди ночной поры встречаются антимирь?»

Зачем они вдвоем сидят и в телевизоры глядят?

Им не понять и пары фраз. Их первый раз – последний раз!

Сидят, забывши про бонтон, ведь будут мучиться потом!

И уши красные горят, как будто бабочки сидят...

...Знакомый лектор мне вчера сказал: «Антимиры? Мура!»

Я сплю, ворочаюсь спросонок, наверно, прав научный хмырь.

Мой кот, как радиоприемник, зеленым глазом ловит мир». [Вознесенский, 2015, с. 106–107]

Здесь Вознесенский совершенно блестяще доказывает преимущество кошачьего разума перед человеческим. Пока люди бессмысленно глядят в телевизор, пытаясь постичь ту искусственную реальность, которую формируют для них штатные пропагандисты, кот, без всяких дополнительных приспособлений, одним зеленым глазом общается напрямую со Вселенной без всяких посредников. Коты, в отличие от людей, прекрасно различают подлинное и мнимое.

Показательна история о появлении в переделкинском доме Вознесенского кошки Кус-кус, о которой шла речь в их разговоре с Бродским.

Этот сюжет в изложении поэта вырастает до масштабов почти космической трагедии, но со счастливым концом: «Переделкинская трехшерстка мисс Кус-кус имела драматичную историю. Будучи котенком, она забралась на вершину мачтовой сосны и орала, не умея спуститься. Стояла зима. Это продолжалось двое суток. В темном небе вопил белый комок. Я попробовал залезть, но куда там! Позвал двух алкоголиков – безрезультатно. Наташа Пастернак вызвала пожарную команду, но даже те, с их „кошками“, не смогли забраться. Что делать?! Небо вопило над нами. Тогда я решил спилить сосну. Был риск, что ветви задавят котенка. Но когда все рухнуло, из-под ветвей грохнувшейся хвойной империи, как ни в чем не бывало, выскочила Кус-кус, не понимая, сколько бед она натворила.

<...> Она и не представляет, что о ней шла беседа в Нью-Йорке с нобелевским лауреатом, кошатником, подобно Бодлеру, Эдгару По, Бальмонту и Хэму. И зрачок лауреата озарялся нездешней искрой» [Вознесенский, 1998, с. 113–114].

Вознесенский сознательно выстраивает в ряд выдающихся художников, любителей кошек, словно лишний раз пытается заручиться их авторитетной поддержкой в таком благородном деле

как преклонение перед этими замечательными животными.

Именно перу А. Вознесенского принадлежит самое пронзительное, самое глубокое стихотворение о кошках «Реквием для кошки».

Каждая кошка умрёт однажды,
В бездну скатившись клубком из лукошка;
Пускай девять жизней у них у каждой –
Смерть не считается даже с кошкой...

Не ежедневно – лишь однократно,
Не понемножку и не понарошку –
Бесповоротно и безвозвратно –
Так умирает каждая кошка. [Вознесенский, 2009]

В этом тексте поэт фактически ставит знак равенства между смертью кошки и человека. Не обесценивая человеческие страдания, он настаивает, что перед лицом смерти не только все живые существа находятся в одинаковых условиях в каком-то метафизическом смысле, но что кошки имеют такое же право на реквием, как и люди.

Заключение

Итак, кошки самых разных размеров и пород всегда составляли окружение классиков русской поэзии. Но если творцы далекого прошлого относились к ним все же как к части животного мира, то наши современники часто воспринимали котов не только как разумных, мыслящих существ, а как собеседников и единомышленников, и даже отдавали им должное как особям, причастным к неким тайнам мироздания. Все это в конечном итоге свидетельствует о смягчении человеческих нравов и гуманизации общества.

Библиографический список

1. Ахмадулина Б. Два гепарда // Ахмадулина Б. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. 1998. С. 137.
2. Бродский И. «Он был тощим, облезлым, рыжим...». URL: http://bibliocbs.blogspot.com/2017/06/blog-post_2.html
3. Бунин И. Кошка // Бунин И. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. 1956. С. 98.
4. Вознесенский А. Судьбабы // Вознесенский А. На виртуальном ветру. 1998. С. 113–114.
5. Вознесенский А. Антимиры // Вознесенский А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. 2015. Т. 1. С. 106–107.
6. Вознесенский А. Реквием для кошки. URL: <https://www.stihi.ru/2009/03/06/5669>
7. Саша Черный. Чуткая душа // Саша Черный. Собрание сочинений в 5 т. 1996. Т. 2. С. 303–304.

8. Фет А. «Кот поет, глаза прищуря...» // Фет А. Полное собрание сочинений. 1959. С. 156.

9. Фет А. «Не ворчи, мой кот-мурлыка...» // Фет А. Полное собрание сочинений. 1959. С. 249.

10. Янгфельдт Б. Заметки об Иосифе Бродском. URL:

<https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/zametki-ob-iosife-brodskom.html>

Reference list

1. Ahmadulina B. Dva geparda = Two cheetahs // Ahmadulina B. Izbrannoe. Vsemirnaja biblioteka poezii. 1998. S. 137.

2. Brodskij I. «On byl toshhim, oblezlym, ryzhim...» = «He was skinny, shabby, ginger...». URL: http://bibliocbs.blogspot.com/2017/06/blog-post_2.html

3. Bunin I. Koshka = The cat // Bunin I. Stihotvoreniya. Biblioteka pojeta. Bol'shaja serija. 2-e izd. 1956. S. 98.

4. Voznesenskij A. Sud'baby = Destinywomen // Voznesenskij A. Na virtual'nom vetru. 1998. S. 113–114.

5. Voznesenskij A. Antimiry = Antiworlds // Voznesenskij A Stihotvoreniya i pojemy: V 2 t. 2015. T. 1. S. 106–107.

6. Voznesenskij A. Rekvjem dlja koshki. = Requiem for a cat. URL: <https://www.stihi.ru/2009/03/06/5669>

7. Sasha Chernyj. Chutkaja dusha = A sensitive soul // Sasha Chernyj. Sbranie sochinenij v 5 t. 1996. T. 2. S. 303–304.

8. Fet A. «Kot poet, glaza prishhurja...» = «The cat sings, with squinting eyes...» // Fet A. Polnoe sobranie sochinenij. 1959. S. 156.

9. Fet A. «Ne vorchi, moj kot-murlyka...» = «Don't grumble, my purring cat...» // Fet A. Polnoe sobranie sochinenij. 1959. S. 249.

10. Jangfel'dt B. Zаметки об Иосифе Бродском = Notes on Joseph Brodsky. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2010/5/zametki-ob-iosife-brodskom.html>

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted on 13.03.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication on 28.04.2022